

■ Владимир ГРИГОРЯН

Неутомимый человек

Звоню, чтоб договориться об интервью, слышу: «Я занята, читаю лекцию».

И не кому-нибудь, как потом узнаю, а студентам отдела дополнительного образования Московской духовной академии.

Снова звоню, всё повторяется. Строго говорит, пугаюсь немного. То, что у Нины Наумовны Жервэ характер жизнерадостный, понятно стало только во время беседы. Чувствую, что собеседница страшно устала, вернувшись с работы. Жервэ – ровесница моей мамы, поэтому представляю, как трудно бывает в этом возрасте. Но есть особая генерация – ленинградцы, люди совершенно неутомимые.

В разговоре в какой-то момент Нина Наумовна вспомнила о своей любимой святой:

– Уж сколько я прошу у Ксении, как ей надо, иногда самой становится неудобно! Но она очень большая помощница. После инсульта, перед тем как лечь в клинику, отправилась в часовенку на Смоленке. Плакала, молилась Ксеньюшке, чтобы помогла выйти из этой ситуации. И когда мне показали место в палате, там оказалось только одно свободное место – то, над которым висел образ святой Ксении. Моё место было определено, и я сразу успокоилась.

– У вас был инсульт? – не верю я услышанному.

– Да, но меня не парализовало, просто потеряла сознание. Лишь после МРТ поставили диагноз и через месяц начали лечить.

– Всё это время вы продолжали работать?

– Да, проводила экскурсии. Но я же не знала, что у меня был инсульт, – словно оправдывается она.

...Представлю, наконец, Нину Наумовну. Как мне

Беседа**Чудотворец
Спиридон
разгонит облака**

Беседа с основателем Петербургской школы православных экскурсоводов Н.Н. Жервэ

Крещение на кухне

Воспоминания Нины Наумовны из детства, по её признанию, это лоскутное одеяло, составленное из разных картинок и историй. И почти всегда они яркие – почему-то тогда всё было хорошо, легко, весело.

– Я родилась в Ленинграде, в октябре 1948 года. Не знаю, был ли мой папа, Наум Давыдович Айзенберг, крещёным, поэтому молюсь за отца келейно. Когда петлюровцы под Киевом убили его родителей, ему было десять и он с маленькими сёстрами, Розой и Марией, оказался в детдоме Царского Села. Тогда оно называлось Детским Селом, ныне это город Пушкин. Окончил военное училище имени Фрунзе и стал служить на катерах электриком.

Но фамилию я носила в девичестве мамину – Павлова. Знаю, что прапрадед мой служил в храме в Полюстрово, однако мои

бабушки – Наталья Николаевна, Таля, и её сёстры, бабушка Лида и бабушка Кэт, – не помнили, был ли он священником или диаконом. Все они, как и мама, работали счетоводами, бухгалтерами, экономистами, плановиками, так что я росла под звуки издаваемые костяшками на счётах. Это, впрочем, так и не пробудило во мне интереса к этому занятию, хотя волею неволей изучила настолько, что сама потом могла бы работать бухгалтером.

Крестили меня 9 марта 1949 года дома, на кухне, в эмалированном тазике. В храме было нельзя – это могло плохо отразиться на службе папы-коммуниста. Поэтому, дождавшись, когда он уедет в длительную командировку на какую-то военную базу, бабушка Таля привела к нам священника из Князь-Владимирского собора. Мама сохранила с крещения свечку, медный крестик, рубашку с кружевцами и иконку Казанской Божией Матери, которые вручила мне много лет спустя. Это было очень трогательно. Во время крещения мне было шесть месяцев, но я была уже вполне осмысленным младенцем. Не плакала, долго наблюдала за священником и в какой-то момент, когда он опускал меня в воду, схватила его за бороду.

На Пасху мы пекли куличи, красили яйца луковой шелухой, а я расписывала их кисточкой – это была моя работа. А вот пасху делать никто не умел, поэтому покупали творог, что-то туда добавляли и соединяли с изюмом. Икон, увы, в квартире не было. Возможно, потому, что они сгорели вместе с квартирой в январе 42-го. Наша семья потеряла тогда почти всё.

Спасительные нитки

– О блокаде моя мама, Валентина Михайловна Павлова, говорить не любила – на эту тему было

наложено табу. Лишь став постарше, я начала расспрашивать и не без труда кое-что узнала.

Отец воевал на катерах, охранявших Малую до рогу жизни. Она шла через Финский залив, связывая Ораниенбаум с Ленинградом. Мама с бабушкой пережили самую страшную зиму – первую, когда умерли многие из наших родственников, в том числе моя прабабушка Елизавета, дочь священнослужителя. Наша семья жила тогда на Блохина, 6. В январе 42-го загорелась квартира внизу, но мама с бабушкой успели спастись. Что смогли, вытащили и до весны жили в подвале.

Лишь весной папа смог вывезти их на Большую землю. Это были последние рейсы по таявшему льду Ладожского озера, и мама видела, как машины перед ними уходили на дно. Одна утонет, остальные понимают – здесь не проехать, нужно выбирать другой путь. Потом исчезает следующая вместе с людьми... Но моих Бог миловал.

Разместили их в селе Кобона. Когда я впервые попала туда лет десять назад, то лишь тогда осознала, что восстановленная Никольская церковь – это и есть тот эвакуационный пункт, где мама с бабушкой ждали посадки в эшелон. Шёл он на Вологду, до которой мои не доехали, потому что бабушка была совсем плоха. Сопровождавшие поняли, что до места её живой не довезут, и высадили в Бабаево.

Спасла их с мамой любовь к шитью, а бабушка ещё вышивала прекрасно – и гладью, и крестиком, и ришелье. Мама всё это тоже любила, и когда они бежали из горящего дома, то успели схватить узел с тканями и нитками для вышивания. Конечно, вышивальщиц в Бабаево и своих хватало, но все женщины хотели себя как-то украсить, а ниток было не

Нина с родителями
Наумом Давыдовичем и Валентиной Михайловной

найти, так что мамы и бабушкины запасы оказались очень кстати. На одну пасму мулине можно было выменять буханку хлеба. Мама смеялась потом: «Вот как вышивальные принадлежности могут спасти жизнь». А на кусок ткани бабушка, поправившись, в соседней деревне выменяла мешок муки.

Когда бабушке стало лучше, мама устроилась на работу. Была кем-то вроде проверяющей продовольственных точек вдоль железной дороги и ходила к ним за много километров пешком по шпалам.

Война была особой темой в нашем доме. Меня ведь не случайно назвали Ниной. Мой день ангела – это день снятия блокады, в который Церковь вспоминает святую равноапостольную Нину. Поэтому, кроме дня рождения, 7 октября, я получала подарки ещё и на именины – 27 января.

Собирались друзья родителей, уцелевшие в войну, – их осталось не так уж и много – и пели «Вот кто-то с горочки спустился», «На Волге широкой, на стрелке далёкой», «Одинокую гармонь». На стол ставили поллитровку водки, винегрет, солёную треску, перемешанную с картошкой, луком и подсолнечным маслом. Это был

настоящий пир. Мне всё казалось невероятно вкусным, особенно любила сыр, который удавалось попробовать нечасто. Бабушка спросила меня как-то в раннем детстве: «Что тебе, Ниночка, подарить на день рождения?» «Сыр», – серьёзно ответила я.

Святитель в круге

– Маме ещё до войны сказали, что детей у неё, скорее всего, не будет. Поэтому я была неожиданной, но очень желанной. Меня любили родители, бабушки, тётки, но, к счастью, так и не избаловали.

Запомнилось, как несколько лет подряд мы с мамой уезжали осенью в Архангельск, потому что папа служил на плавбазе Северного флота. До весны снимали там жильё, в Соломбале, а весной возвращались в Ленинград. Мама и бабушка Лида очень любили ходить в театр, в оперу, на концерты. Мы же оставались с бабушкой Талей, которая говорила, что ей медведь на ухо наступил. Самая любимая игра была – в магазин. Я изображала продавщицу, а бабушка – покупательницу. Моими любимыми игрушками были пуговицы. Когда маме нужно было куда-то уйти, я успокаивала её: «Мама, ты дай мне пуговицы, убери ножницы и спички и иди, куда тебе нужно».

Жили, как вы уже, наверное, поняли, довольно бедно. Вскоре после смерти Сталина с папой, как и с тысячами других офицеров-фронтовиков, поступили очень некрасиво. Их сознательно уволили за год-другой до пенсии, чтобы вместо большой военной платить минимальную. К тому же очень трудно было найти работу, потому что офицеров, лишившихся службы, оказалось слишком много. Но папа всё равно остался верен своим коммунистическим убеждениям.

В конце концов папе с большим трудом удалось устроиться электриком на хлебозавод. Приходя со смены, он вытаскивал из кармашка тщательно завернутые в салфеточку два или три маленьких сухарика, которые ему совали для дочки женщины на работе. Это то, что вынести с завода можно было не скрываясь. А мне эти сухарики казались пирожными, настолько они были вкусными, свежими, хрустящими – их вкус я помню до сих пор.

Иногда мы заходили с мамой в Князь-Владимирский собор, где она поднимала меня, чтобы я могла приложиться к иконе Святителя Николая в круге. До сих пор, когда захожу в Князь-Владимирский, вижу её на столбе слева от клироса. Маленькую девчущку в беличьей шубёнке, капорочке, с болтающимися на резинках варежках подносили к иконе в поисках поддержки. Мама твёрдо верила, что Святитель поможет, что бы ни происходило.

А происходило разное. В десять лет, когда мы вернулись с дачи из Токсово, я тяжело заболела. Сначала казалось, что это обычная простуда, но всё оказалось намного страшнее. Меня частично парализовало – левую руку и правую ногу, а когда отвезли в больницу, стало ясно, что я заболела полиомиелитом.

Тогда, в 1958-м, произошла первая вспышка этой болезни в СССР. Невозможно передать, что пережила мама: я была единственным ребёнком, которого она родила в 37 лет. Этот месяц – сентябрь, что я лежала на больничной койке, – она провела между больницей и церковью, плакала, молилась. И Святитель Николай откликнулся.

«Ваша-то встанет, – утешил маму врач. – Она у меня уже спрашивает, когда ей можно будет танцевать». Я тогда, правда, ещё не вставала с кровати, но танцы безумно любила, занималась в хореографическом кружке, а ещё мечтала стать фигуристкой. После выписки мама смогла поднять меня на ноги: три года подряд возила на всё лето на грязи в Евпаторию, настаивала, чтобы я сама спускалась по лестницам в школе и нашем доме, и лишь когда я поднималась, могла опереться на мамину руку. И однажды мы поняли, что ужасная болезнь, которая сделала инвалидами миллионы детей, осталась позади.

«Зачем тебе этот университет?»

Нину Наумовну почти не слышно. «Простите, – говорит она, – это наша старенькая стиральная машина, она работает как трактор... О-о, затихла!»

– В школу меня отдали в восемь лет, – продолжает она, – а в садик, который тогда называли «очаг», вообще не водили. Маму пугали, что я вырасту дикаркой, так как почти не общалась со сверстниками, а она смеялась: «Посмотрели бы вы на эту дикарку, когда я стою в очереди в магазине, а она собирает у окна целую толпу детей и что-то им рассказывает».

В старших классах я училась в 210-й школе на Невском, 14 – в том самом доме, где на стене висит знаменитая табличка: «Гражданин! При артобстреле эта

сторона улицы наиболее опасна». В 1966-м грянула школьная реформа – переход на десятилетнюю систему обучения, поэтому 10-й и 11-й классы в тот год выпустили одновременно. Соответственно, вдвое больше было желающих поступить в вузы, и мне не хватило полбалла, чтобы поступить в Институт культуры – «Кулёк», как его называли. Мама расстроилась, а мне не очень-то и хотелось.

Я мечтала об университете, который был через мост от нас. Перед поступлением год промаялась на одном предприятии, где женщины курили и разговаривали на незнакомом языке. Как потом выяснилось, они матерились, а я была таким цветочком нежным, мата никогда не слышала, так что была сильно удивлена. Поступила на вечернее отделение исторического факультета, работала одно время курьером, где заодно помогала бухгалтерам. «Зачем тебе этот университет, если у тебя уже есть хорошее ремесло?» – спрашивали они меня. Но нет, это было не моё.

– Простите, Нина Наумовна, прерву. Хотел спросить о происхождении вашей фамилии – Жервэ.

– С мужем, Володей Жервэ, мы познакомились ещё в университете. Он учился, как и я, на истфаке, только заочно, и время от времени ходил к нам на лекции. Володя отличался от других ребят, более практичных, был немного не от мира сего, погруженный в книги, очень умный, интересный – всё, как я любила.

Фамилия его, нередко писавшаяся как Жерве, довольно древняя. Представители этого рода были гугенотами – французскими протестантами, бежавшими из Франции в шестнадцатом веке после Варфоломеевской ночи. Сначала поселились в Германии, где стали лютеранами,

потом часть из них переехала в Россию – служили в армии или на флоте...

Самый известный, наверное, – контр-адмирал Пётр Любимович Жерве, прадед мужа. В чине лейтенанта он во время Крымской войны командовал батареей в осаждённом Севастополе. Его именем в городе названы площадь и улица, а на знаменитой Панораме ему посвящён целый раздел, и когда мы приезжаем, слышим, как сотрудники шепчутся: «Потомки приехали, потомки!» Похоронен он был на Смоленском кладбище. Большой мраморный крест был разрушен, но муж поставил железный, тоже очень красивый.

Обретение профессии

– Однажды меня отправили на экскурсию в Новгород, который я люблю тогда тогда раз и навсегда. Это был первый в моей жизни древнерусский город, экскурсовод был прекрасный. В тот день я поняла, что нашла свою стезю, а спустя какое-то время побежала в Петропавловскую крепость и упросила, чтобы меня взяли на курсы экскурсоводов. Брала с третьего курса, а я училась на втором. Из девяноста человек учёбу окончили и вышли на маршруты только десять. Это для понимания, насколько трудна эта профессия.

Благодаря театральному кружку и увлечению художественным чтением говорила я громко, чётко – людям нравилось. А обзорный маршрут по Ленинграду мне достался сложный – «Город великого Ленина», где обо всех революционных местах нужно было рассказывать очень подробно, а остальной истории Петербурга уделять лишь несколько минут. Но я сама себе сказала: «Нет, буду делать иначе», – и перестроила всю экскурсию, рассказывая больше о прошлом

и уделяя минимум революции. Как ни странно, это сошло мне с рук. Однажды мою экскурсию инкогнито посетил создатель очерков по истории Ленинграда Всеволод Сергеевич Шварц. Можно было ожидать разноса, но нет, он написал обо мне хороший отзыв – никто не мог припомнить, когда такое случилось в последний раз.

Схожим образом мне удавалось избегать необходимости говорить о том, что Бога нет. В Бога я верила всегда, сколько себя помню, не испытывая никаких сомнений. На рожон не лезла, но и против совести не шла. Например, зачёт по атеизму в университете удалось получить автоматом, не посетив ни одной лекции. На работе порой журили: «Всё у вас хорошо, но почему нет антирелигиозной пропаганды?»

В штат меня не брали, как и других студентов, следовало дожидаться получения диплома. Но я не дождалась, получив предложение поработать в библиотеке исторического и философского факультетов. Директором там была выпускница Бестужевских курсов, просуществовавших до 1918 года, Елизавета Ивановна Ковальская, один из самых культурных людей, которых я встретила в жизни. Умела говорить так спокойно и интеллигентно, что, когда обращалась к тебе, отказать было невозможно. Наша библиотека и сама по себе была осколком старой России, где на полках стояли такие книги, которые немисливо было найти в свободном доступе, а тут – протыня руку и читай.

А преподавать я начала после окончания университета, на подготовительных курсах.

В первой половине восьмидесятых я подумала, что могу совершать со студентами какие-то путешествия, что поможет культурному развитию. Начали ездить по разбитым

монастырям, разорённым церквям, но особенно привлекал мой любимый Новгород.

Ездил я туда без конца, работая в архиве и став специалистом по истории Новгорода XIX века. Отчасти меня подтолкнули слова Герцена из «Былого и дум», написавшего, что Новгород – это страшное захоlustье, где по улицам бродят свиньи. Я так обиделась за город, что решила доказать, что он был в то время совсем другим.

В те годы наш митрополит Алексей, будущий Патриарх, был не только Ленинградским, но и Новгородским. А благочинным в Новгороде был отец Анатолий Малинин, с которым мы сошлись вот на чём. Когда в 1987 году я предложила поставить памятный крест в честь известного дореволюционного краеведа Василия Степановича Передольского, поддержал меня только батюшка. Райком был категорически против. «Никаких крестов», – сказали нам. Но в конце концов мы добились, что крест был вырублен на камне, поставленном в память о Василии Степановиче.

Я и прежде заходила в храмы помолиться, но крестик не носила. Надела его после встречи с отцом Анатолием, ставшим моим духовником. У него была большая семья, человек немолодой, но очень образованный, хорошо знающий историю и философию. Наше общение и сотрудничество продолжалось вплоть до его смерти.

Ещё одним моим учителем в Новгороде стал замечательный краевед Сергей Михайлович Смирнов. Ему было в момент нашего знакомства девяносто с чем-то лет, а дожил он почти до ста – это один из тех людей, которых я поминую в своих молитвах вместе с родными. Сергей Михайлович был выпускником Тихвинского духовного училища, Новгородской духовной семинарии

и Петроградской духовной академии. В 20-е возглавил в Новгороде Исторический музей, организовывал археологические экспедиции.

Его воспоминания мы печатали и печатаем в нашем журнале «София», издающемся в Новгороде. С этим изданием был связан ещё один этап моей жизни. Сначала «София» была газетой, потом стала журналом. Когда первый редактор, Татьяна Кульпинова, перешла на другую работу, удалось уговорить возглавить журнал владыку Новгородского Льва (Церпицкого), сама же я стала выпускающим редактором.

К первым годам выпуска «Софии» относится встреча в 93-м году с епископом Василием (Родзянко). Владыка практически всю жизнь провёл в эмиграции и был интеллигентнейшим, удивительно культурным человеком. Наша встреча продолжалась четыре часа, и говорили мы о многом. К сожалению, кассета в магнитофоне была рассчитана на девять минут и вместила далеко не всё. Запомнились его слова, что у нас в храмах, к сожалению, слишком много прохожан и слишком мало прихожан. Таня, наш редактор, опубликовала часть нашего разговора, поставив в заголовок слова епископа: «Нет худшего греха, чем надменное сознание полного безгрешия».

Моё воцерковление протекало довольно бурно, так как я включилась в жизнь Новгородской епархии и владыка Лев с отцом Анатолием заботливо меня опекали и наставляли. Так получилось, что эти люди постепенно вытесняли из моего окружения людей светских. В какой-то момент я поняла, что мне всё труднее говорить о каких-то обыденных вещах.

С благословения владыки Льва я стала работать на радио «Мария». Хотя и

руководил им отец Евгений Мацео, католик из Аргентины, он великолепно относился к православию, так что мы вполне уживались и уважали друг друга. Приглашались православные священники, готовились циклы передач.

К сожалению, после того как на радио сменился руководитель, там начали преобладать католические темы. Но к этому времени появилась уже и наша радиостанция – «Град Петров», где я проработала ещё десять лет. Передо мной открывались биографии, судьбы людей, о которых я раньше лишь немного слышала. Речь идёт не только о священнослужителях, но и о художниках, писателях, учёных. Это была очень хорошая просветительская школа.

Снова на маршрут

– Увы, всё хорошее когда-то заканчивается, так что в какой-то момент и на «Граде Петрове» у меня начались затруднения. Спешу к духовнику. К тому времени отец Анатолий скончался и окормлять меня стал его сын – отец Иоанн Малинин, настоятель Сампсониевского собора. Прибежала, обо всём рассказала, чуть не плача: «Я не представляю, как мне быть без радио!» «Молись, и Господь всё устроит», – ответил отец Иоанн.

Через полгода так и случилось – в мою жизнь вошла школа православного экскурсовода. Я вернулась к тому, с чего начинала в шестидесятые, но только иначе, на другом уровне. Обосновались мы в храме Андрея Критского подворья Константино-Еленинского монастыря на Рижском проспекте. Там я и окормляюсь. В храме нет людей, которые постоянно входят и выходят, – я теряю голову от этого броуновского движения. Всё тихо и благочинно.

А что касается школы, то, возможно, первым

толчком к её созданию стала жалоба, услышанная на Линтуловских чтениях, что молодёжи трудно найти себе занятие в Церкви.

«Почему? – спрашиваю. – Если у вас есть гуманитарное образование, почему не стать православным экскурсоводом?»

Первый мой опыт был неудачным. Мы не хотели брать денег за занятия, я готова была работать бесплатно, во славу Божию, но вдруг выяснилось, что занятия, которые ничего не стоят, примерно так же и ценятся. Люди приходили, говорили: «Ой, как интересно! Ой, как здорово!» – после чего исчезали. И тогда я послушала совета, который дали мне в храме понимающие люди, что нужно хоть немного денег, но брать. И действительно, что-то начало получаться. Набралось десять человек – интересных, увлечённых. Восьмерых из них мы выпустили, потом появились ещё слушатели, часть их стали экскурсоводами.

– Какие сложности возникают при обучении?

– В Новгороде православных экскурсоводов нет совсем, их там никто не готовит, а готовить таких специалистов очень непросто. Студенты удивлялись: «Ну, Нина Наумовна, вы даёте! Оказывается, кроме истории, экскурсоводу нужно ещё и географию знать». Да, и географию, и искусство, и многое другое.

Проще всего учить петербургских учителей: филологов, историков, затруднений с ними немного. Значительно сложнее с моими любимыми бухгалтерами, которые после пятидесяти лет решаются сменить профессию. Бухгалтеров я среди людей, желающих стать экскурсоводами, опознаю мгновенно. Они как-то по-особенному проносят даты и вообще любые цифры. Хорошо, если это образованный человек, который увлекается историей, культурой, но бывает по-разному.

Отдельная тема, конечно, язык. Ко мне приходят учиться очень много приезжих, которые говорят иначе, чем петербуржцы. И если со специфической южной «г» можно спокойно говорить в Белгороде, Воронеже или Ставрополе, то у нас это немыслимо, Петербург – это Петербург. У экскурсовода должна быть культурная речь, у него не должно быть лишних слов, необходимо красивое построение фраз, не книжное, не вызубренное, а естественное, пропущенное через себя. Это очень большая работа. Особая тема – ударения, с ними очень тяжело, хотя я и не предполагала, что будет такая проблема. У нас очень много угрофинских названий. Объясняю, что в них ударение приходится на первый слог. Учю, как правильно произносить иностранные фамилии, которых в истории Петербурга было очень много. Но терпения не всегда хватает. Когда слышишь То́ма вместо Тома́, конечно, теряешься.

К сожалению, не всегда речь удаётся исправить, есть случаи, когда нужны серьёзные лингвистические занятия, мне это не по силам. Но это не значит, что такие люди тратят время на курсах впустую. Мы помогаем расширить кругозор, дать какие-то базовые знания. Если ты православный экскурсовод, то должен пройти катехизацию, знать, что это за икона, например, что это за квадратный столик, на котором свечки стоят. Человек, решивший стать экскурсоводом, должен быть грамотен исторически, филологически.

– Кроме вашей школы, кто-то готовит православных экскурсоводов в Петербурге?

– Подворья монастырей, но там, понятно, лишь один маршрут – в обитель. Поэтому более-менее представительные центры – это наша школа и Иоанновские катехизаторские курсы при Лавре.

Церковь Спаса на Нередице была воссоздана в 2004 году

– Кто их возглавляет?

– Это тоже на мне, так что речь идёт скорее о ещё одном отделении нашей школы. Третий год меня приглашает Московская духовная академия вести онлайн-курсы по паломничеству для студентов-третьекурсников. Некоторые из них пишут дипломы на тему паломничества, в которых я выступаю научным руководителем.

– В чём особенность ваших экскурсий?

– Мы готовим интеллектуальные православные паломничества. Можно сказать иначе – миссионерские, просветительские курсы для людей, которые хотят что-то узнать о Церкви, о памятниках архитектуры, о святых, храмах, выдающихся православных людях, живших у нас на Русском Севере. Мы предлагаем интересный маршрут, но, конечно, молитва тоже есть – приезжая на место, участвуем в молебне.

Есть другой вид паломничества, когда собираются с бабушкой или кем-то ещё, едут на литургию в такой-то храм, прикладываются к мощам, к чудотворной иконе. Особенно это любят бабушки. Они привыкли, что по дороге читается Правило ко Святому Причащению, поются акафисты, псалмы. Таким группа «экскурсоводы» совершенно не нужны, ими должны заниматься

«групповоды». И это тоже хорошо, но не для всех это достаточно.

Помню, одна женщина у нас в поездке всё маялась. Моя подруга, реставратор, рассказывает о фресках Софии, некоторые она реставрировала своими руками, а женщина растерянно мечется по храму. «Что с вами?» – спрашиваю. А она с напором: «Молиться-то когда будем?» Я даже испугалась. Ведь мы в каждом из храмов молились новгородским святым. Правда, к сожалению, молебна в тот раз не было, батюшка куда-то отлучился. «Мне, – продолжает женщина, – сказали, что молиться едем, я за внука должна помолиться, а вы всё что-то рассказываете и рассказываете». И я понимаю, что человек попал как кур в ошип, он ждал другого, так что винить его не в чем. «Пойдёмте», – говорю. Подвела к образу Никиты Новгородского, другим иконам, объясняя, почему именно им нужно молиться за детей. Но с тех пор я прошу всех объяснять экскурсантам, что собой представляют наши поездки.

За день успеваем в том же Новгороде очень много. Посещаем Святую Софию и другие храмы, успеваем погулять по Ярославу дворищу, проникнуться духом Великого Новгорода. Маршруты меняются. Это и Петербург, и Старая Ладога, и святыни Новгородской и Псковской областей.

– Какое у вас любимое место в Новгороде?

– Спасо-Нередицкий храм в окрестностях города. Он построен в двенадцатом веке, очень сильно пострадал во время войны, там проходила линия фронта. Его восстановили, некоторые фрески сохранились хотя бы частично, иные из них реставраторы собирают из маленьких кусочков. То, что храм маленький, не мешает ему быть большим, духовно сильным. Вид оттуда потрясающий – перед глазами древнее городище, панорама Юрьева монастыря.

– Можно вспомнить какие-то памятные истории на маршрутах?

– Наши поездки я начинаю с молитвы святителю Спиридону Тримифунтскому. Молюсь я ему во всех случаях жизни, и помогает он тоже во всех, но, как покровитель православного экскурсовода, он известен уже всем моим ученикам, которые смеются, когда их спрашивают: «Как с погодой?» «Да Нина Наумовна сейчас помолится Спиридону, – отвечают они, – и всё будет в порядке». Погода, как вы понимаете, в поездках имеет особое значение.

Буквально два-три раза за все годы наши поездки сопровождала плохая погода – ветер, снег, дождь. Обычно бывает иначе. Даже если отправляемся в дождь, который хлещет как из ведра, то пока доезжаем до места, он прекращается. Святой Спиридон словно разгоняет облака. Даёт возможность всё понять, увидеть, почувствовать, помолиться. Когда уезжаем, дождь возобновляется.

– Что вы могли бы сказать в заключение нашего разговора?

– Я очень счастливый человек – мама говорила, что я родилась в рубашке. Хотя я и ропшу, что много на меня навалилось, прекрасно знаю, что Господь даёт мне ношу по силам. ■